

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. ШИК

Приметы времени и логика характера

Журнальная проза 1970 года чаще обычного радовала читателя произведениями широкого эпического размаха. Летние книги журнала «Знамя» начали публикацию романа К. Симонова «Последнее лето», являющегося продолжением его известных военных книг — «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются»; «Волга» завершила печатание остросовременного романа-раздумья Н. Шундика «В стране синевой»; «Октябрь» опубликовал вторую книгу романа С. Сартакова «Философский камень»; журнал «Москва» предложил читателю первую книгу нового романа А. Иванова «Вечный зов»...

Вряд ли нужно продолжать этот перечень. Тем более, что выделить из большого потока произведений эпического плана хотелось бы лишь две книги — романы С. Сартакова и А. Иванова.

Как известно, для обоих этих писателей Сибирь стала матерью, вскормившей и вспоившей их. Закономерным представляется то обстоятельство, что люди Сибири, ее величественная природа, героическое настоящее и историко-революционное прошлое прочно лежат в основе всех созданных ими произведений. Близки по материалу и их последние книги — романы «Философский камень» и «Вечный зов». Вместе с этим, новые произведения писателей расширяют наши представления об их творческом своеобразии, позволяют выявить какие-то тенденции, характерные для современного русского советского романа.

Анатолий Иванов хорошо известен как автор романов «Повитель» и «Тени исчезают в полдень». Первая книга вновь опубликованного романа «Вечный зов» теснейшим образом связана с предшествующим творчеством писателя.

Роман «Вечный зов», как и «Тени исчезают в полдень», — произведение многоплановое, с широким охватом жизни и судеб самых различных людей. Столь слож-

ная и, я бы сказал, многослойная структура произведений сегодняшнего дня представляется отнюдь не случайным явлением.

А. Иванов настраивает свое перо на современность, и для него все более очевидным представляется факт связи и взаимообусловленности времен. К сегодняшнему дню и к его героям писатель идет через историю. Ретроспективная композиция помогла А. Иванову в романе «Тени исчезают в полдень», она помогает ему и в новом романе глубже и объективнее раскрыть характеры своих героев, обосновать их поступки не только психологически, но и исторически.

Действие пролога романа «Вечный зов» происходит в округе Новониколаевска, относится ко времени поражения революции 1905 года и знакомит со многими героями книги, начиная от крестьянского мальчишки Федора Савельева, его брата Ивана и кончая революционерами-подпольщиками Субботиным, Кружилиным, Антоном Савельевым, предателем Полиповым и офицерами разведки.

Последние главы первой книги романа повествуют о жизни этих героев в тех же местах Сибири в годы Великой Отечественной войны. Вступают в жизнь и люди более молодого поколения — Семен Савельев, Наташа Миронова, Вера Инютина и другие.

Если об А. Иванове можно сказать, что он подходит к художественному освоению современности, то С. Сартаков давно уже раскрывает сегодняшний день и его героев. Сразу же после завершения исторического повествования о событиях Первой русской революции в Сибири «Хребты Саянские» С. Сартаков приступает к работе над романом «Философский камень», который можно считать своеобразным продолжением исторического повествования, романом о событиях, развернувшихся в тех же местах на новом историческом этапе —

в годы гражданской войны и последующих полутора-двух десятилетий.

Однако пятнадцать лет, когда создавался роман «Философский камень» (1956—1970), были насыщены интенсивной работой над произведениями, которые обращали читателя к сегодняшнему дню или к недавнему послевоенному времени. К дню сегодняшнему С. Сартаков шел обогащенный опытом работы над историческим материалом. Заинтересованно и динамично поведал нам писатель историю молодого человека наших дней в своих «Барабинских повестях», удостоенных в 1970 году Государственной премии.

В отличие от А. Иванова, С. Сартаков в романе «Философский камень» повествование ведет в строгой хронологической последовательности. И вот привычный для нас принцип хронологического перехода от одной книги к другой оказался нарушенным. В этом сказалось обостренное чувство времени, страстная заинтересованность автора проблемами сегодняшнего дня. Именно это заставило, очевидно, С. Сартакова после завершения исторического повествования обратиться непосредственно к современности, не оставляя работы и над «днем минувшим». Так у каждого из двух писателей по-своему проявляется понимание взаимообусловленности и взаимосвязанности времен, по-своему реализуется это понимание в творчестве.

Роман «Философский камень», как и повествование «Хребты Саянские», полон столкновений разных героев, авторских раздумий о смысле жизни, о принципах борьбы. Одновременно «Философский камень» тесно связан с повестями С. Сартакова «Горный ветер», «Не отдавай королеву», «Медленный гавот».

Главное внимание в своем последнем романе С. Сартаков уделяет опять-таки людям, стоящим на пороге самостоятельной жизни. Это Тимофей Бурмакин и Володя Сворень, это дети капитана Решикова — Виктор и Людмила. Роман «Философский камень», как и книга А. Иванова «Вечный зов», характеризуется широким охватом действительности, разных социальных слоев и групп общества первых послеоктябрьских лет. Больше того, действие некоторых сцен перебрасывается в Чехословакию и Маньчжурию.

Стремление к расширению временного и пространственного диапазона — одна из характерных особенностей современного романа. И такое расширение сферы художественного отражения действительности способствует, в данном случае, усилению историзма мышления писателя.

...В одном из своих недавних выступлений С. Сартаков отметил, что за последнее время жанр детектива «значительно обогатился тем, что наряду со стремительностью развития сюжета он ныне уходит в психологические глубины жизни» («Литературная Россия», 1970, 13 ноября).

Роман «Философский камень» по праву

можно определить как детектив, который, отвечая главному требованию этого жанра — стремительному развитию сюжета, — вместе с тем характеризуется проникновением в психологические глубины жизни. Занимательность достигается тем, что читатель захвачен не только логикой действия, но главным образом логикой мыслей и переживаний героев романа. Поиски карателя Куцеволова и борьба с ним Тимофея Бурмакина, в начале романа неграмотного подростка из таежного села, а затем курсанта Московской военной школы, — одна из наиболее острых линий в книге С. Сартакова. Однако она так и не получает обычного для детектива завершения. Да и интерес читателя в сценах, связанных с конфликтом «Бурмакин — Куцеволов», держится во многом на психологическом исследовании характера Куцеволова, на умелом раскрытии внутреннего роста и становления Тимофея.

Писатель, безусловно, усиливает психологическую насыщенность детектива. Но сила традиций жанра детектива не могла не оказать обратного влияния на писателя и его роман.

В романе «Философский камень» С. Сартаков, как никогда раньше, скуп на описания, развернутые пейзажи, лирические отступления.

Достаточно вспомнить ярко выраженную лирическую окрашенность тех страниц первой книги романа «Философский камень», которые посвящены нелегкой судьбе Людмилы Решиковой. Отец ее случайно оказался в рядах белогвардейцев, ему легче лишить себя жизни, нежели остаться без родины. Он так и не смог пересечь границу России с остатками колчаковских войск. Жизни на чужбине он предпочел смерть. Но все это неизвестно ребятам и девочкам деревни, где еще малолетней оставлена была раненая Людмила. Для окружающих она остается «белячкой». Лирическое отступление «Память, память... И счастье и горькая беда человеческая», несколько раз повторяющееся в различных вариациях, помогает читателю понять внутренний мир героини, драматизм ее судьбы. Во второй книге романа Людмила с помощью Тимофея Бурмакина обретает свое место в жизни. Казалось бы, возможности эмоционально-лирического продолжения образа вполне уместны и закономерны, но, тем не менее, во второй книге лирическое начало заметно приглушено даже на тех страницах, где речь идет о Людмиле.

Роман А. Иванова «Вечный зов» в жанровом отношении основательно тяготеет к эпосе. Отсюда и совершенно определенная стилевая манера писателя, которая характеризуется плавной обстоятельностью, эпически ровным вниманием к деталям, подробностям, обилием отступлений и экскурсов в прошлое своих героев. Эта особенность стилистики была отмечена сразу же по окончании публикации романа в одном из первых откликов, в рецензии М. Синельни-

кова. («Литературная Россия», 1970, 21 ноября).

Несмотря на различные жанровые и стилистические особенности двух романов, нельзя не заметить ярко выраженной общей тенденции, проявившейся зримо в романах и С. Сартакова и А. Иванова. Тенденция эта состоит в том, что писатели стремятся к глубинному исследованию социальной действительности, характеров и их обусловленности.

А. Иванова влекут характеры сильные и сложные. Достаточно вспомнить Григория Бородину из романа «Повитель», Фрола Курганова из книги «Тени исчезают в полдень». Под стать им и характер Федора Савельева из романа «Вечный зов». Остро чувствуя борьбу двух миров, А. Иванов передает напряженность этой борьбы, обнажает ее социальные корни главным образом через исследование характеров, вступивших в противоречие с новой социалистической действительностью.

Критика в свое время по-разному оценивала образную систему романов «Повитель» и «Тени исчезают в полдень». И лишь в одном все, писавшие об этих романах, были единодушны: к художественным завоеваниям писателя справедливо относили образы Григория Бородина, Фрола Курганова, Пистимей Морозовой, а не противостоящих им Андрея Веселова, Захара Большакова. В связи с этим спорным представляется критическое замечание, содержащееся в той же рецензии М. Синельникова: «Анатолий Иванов сделал в своем романе серьезный шаг вперед в изображении положительных героев. Некоторые из них (Кружилин, Семен) поставлены в самый центр повествования, нарисованы тщательно, подробно, другие очерчены более бегло, но во многом выразительно (Субботин, инженер Хохлов)».

Да, А. Иванов способен представить положительных героев в такой же художественной масштабности, в какой он раскрывает теперь характеры, пораженные микробами ушедшего в прошлое мира хищничества. Но подобное перемещение акцентов вряд ли приблизило бы автора к решению основной задачи, стоявшей перед ним при создании первой книги романа «Вечный зов». По существу в ней продолжается, развивается и обогащается разработка все того же, наметившегося еще в «Повители» образа человека, ставшего жертвой индивидуализма и собственничества.

Жизненный путь Федора Савельева, центрального персонажа романа «Вечный зов», в значительной мере сложнее пути Григория Бородина, героя романа «Повитель». В решающие, переломные моменты истории Федор оказывается в одном лагере с теми силами, за которыми будущее. Здесь, казалось бы, налицо все предпосылки для активного приобщения к новой жизни: Федор Савельев сражался в рядах красных партизан в годы гражданской войны, после — он работает, не покладая рук, через многие годы проносит ненависть к брату Ивану,

бывшему в рядах белых в годы колчаковщины. Таким видит читатель Федора на первых страницах романа.

И все-таки что-то настораживает в этом человеке. Так ли уж оправдана неумная ненависть к брату, коль Иван в конце концов понял свою ошибку, застрелил предводителя банды и сам сдался красным. Потом отбыл наказание за свое пребывание в банде. И все же для Федора он остается «недобитой контрой», хотя Иван теперь честно и добросовестно трудится, заслужив этим доверие и уважение своих односельчан. Без пристального внимания к прошлому Федора не поймешь до конца и драму его жены Анны, да и всех других его домочадцев, которым несладко живется в отчем доме.

Мрачность Федора, озлобленность, нередко и суровая жестокость гнетут всех, особенно Анну. В годы гражданской войны она сражалась вместе с Федором в партизанском отряде, беззаветно любила его, а теперь познает незавидную участь постылой жены. Еще большую настороженность вызывает все это у читателя, хотя драма семьи Федора и находит какое-то психологическое объяснение: Анна до замужества стала жертвой насильника.

Все эти вопросы и читательские недоумения автор постепенно разрешает в отступлениях, которые органически входят в повествование, давая психологическое и историческое обоснование характеру героя. Тогда становится ясно, что Федор, и этим он близок Григорию Бородину, поражен ядом собственничества. Ради возможности «жить всласть» он готов на всё и в свои пятнадцать лет. Угодливостью и фанатической преданностью Федор поражает уже тогда богача Кафтамова. Не сразу понял и сам Федор, что давно еще шевельнулась в нем «зависть к веселой и разгульной жизни хозяина, засочилась где-то внутри, размывая какие-то самые мягкие, податливые места».

Естественно, из всех этих наблюдений вырастает потом развернутая картина образа, раскрывающая губительную силу собственничества. Жиденький внешний ручеек, подобно зародившейся в душе Федора зависти к разгульной жизни, размывает постепенно «место, где трава выбита, почва помягче, начинает по крупницам вымывать оттуда землю, уносить прочь». И так из года в год делают свое дело внешние ручейки. «А еще через несколько лет придет на это место человек — и ахнет: ровное, сверкающее под солнцем изумрудной зеленью поле перерезает теперь надвое черный, глубокий, безобразный овраг. И этот овраг все растет да растет, как гноящаяся рана, и поле будто стонет от этой раны, но заживить ее не может...»

Картина эта органически входит в книгу, необычайно емко и точно передает суть характера Федора.

Характер сложился, и Федор Савельев далеко пошел бы по пути накопительства, но жизнь опять-таки распорядилась по-своему.

На заимку, где жили Федор и его отец, завялся брат Федора — Антон, бежавший с каторги. И неволью Федор оказался втянутым в дела противоположного Кафтанову лагеря. Здесь же оставался Федор и в годы гражданской войны, хотя душа его тянулась всегда к другой жизни, сверкнувшей перед ним на заимке богача Кафтанова.

Давно уже нет этой заимки, нет в живых и самого Кафтанова, а в сердце Федора так и сидит заноза, крепко засевшая там еще в годы ранней молодости. Долго не признавался Федор в этом даже самому себе, да нет-нет и проговаривался о своих «плантах», которые никак не мог понять и отец родной, чувствовал лишь, что рядом с ним «стоит не пятнадцатилетний его сын, а какой-то другой, взрослый, рассудительный и незнакомый мужик». Явную лень преподносил хозяину Федор, помаргивая «просто и открыто», так, что и многоопытный Кафтанов только диву давался — «молод-то ты молод, а яйца в стену уже учишься забивать...» И все-таки виделось Кафтанову что-то родственное и близкое себе в этом мальчишке, противоположное той «сверкающей рези в глазах», которую не умел да и не хотел скрывать от хозяина Поликашка Кружилин, живший на заимке Кафтанова до Федора.

Да, с приходом Антона на заимку рухнули для Федора все надежды на будущую легкую жизнь. У Федора вспыхивает порою ненависть к хозяину, но больше всего он досаждает на Антона, который помешал ему осуществить свои заветные мечты. Психологически точно выясняет это писатель в немногих словах: «Он (Федор) понимал, что с Кафтановым все покончено. «Житье-то на заимке было — благодать... — метались у него в голове обрывки мыслей. — А там бы, дальше-то и вовсе... Все могло быть... Анна подросла бы... А теперь что? Антона этого черт принес...» — Федор аж зубами скрипел от обиды».

Так и живет многие годы Федор, уходя все больше в себя; холодок по отношению к себе он всегда ощущал да особого внимания на то не обращал. И лишь после 1936 года стал чувствовать «липкие взгляды» односельчан острее, «сжимался, втягивая в плечи голову» под их тяжестью. Не выдерживает этого Федор: «Хватит! Каждый глазами напололам стригет, будто и в самом деле я Ивана...» Только и остается Панкрату Назарову сказать в момент отъезда Федора: «Это хорошо, что уезжаешь отсель».

Знаменательно, что даже в предвоенные годы, когда подозрительность была не столь редким явлением, Федору, тем не менее, все труднее становится жить среди людей, не находит он себе места и в семье, где атмосфера непонимания и взаимной неприязни усиливается с каждым часом. И вот теперь, по прошествии двух десятилетий, в момент, когда с особой силой каждый из советских людей почувствовал себя частицей чего-то большого и единого, когда наступили годы

великого противостояния советского народа черным силам фашизма, Федор наиболее остро ощущает свою оторванность от всего того, что происходит вокруг. Только теперь он во всем признается самому себе и открывается своим близким: «Да, да, жалеет обо всем! И что Кафтанов Михаил Лукич погиб безвременно, и что от богатства его один дым остался. Да, точит это его всю жизнь, как червяк точит дерево, как водяная капля точит камень-гранит. Точит, выедаёт в сердце больные места».

Федор Савельев — персонаж, который позволяет нам наиболее полно ощутить движение авторской мысли, понять пафос романа, состоящий в том, чтобы от обратного доказать неодолимость нашего движения к коммунистическому будущему. Но ведь в равной мере с образом Федора призван высвечивать авторскую идею и образ Ивана Савельева, который трудно, но последовательно идет к новой жизни, преодолевая сложные препятствия, многими годами своей жизни расплачиваясь за свою ошибку, упорно и настойчиво завоевывая доверие и уважение своих односельчан.

Образ Ивана, как и образ Федора, определяет идейно-художественный пафос романа, но обрисован этот персонаж весьма приблизительно, пунктирно, далеко не все его поступки мотивированы столь убедительно и основательно, как поступки и характер Федора. Порою кажется даже, что как-то блекнет психологическая зоркость писателя в сценах, где действует Иван Савельев. И это, несомненно, мешает читателю во всей объемности представить сложное здание многопланового романа.

Емко представлен в книге А. Иванова новый мир. Среди героев этого ряда особо следует выделить молодежь. Только еще вступает она в жизнь, но вступает в нее смело и решительно, как Семен Савельев, порою чрезвычайно трудно, как Наташа Миронова, но именно в них будущее, именно они, пройдя через серьезные испытания военных лет, придут в наш сегодняшний день и определят его лицо.

В романе «Повитель» Григорию Бородину не удастся сделать сына наследником своего образа мыслей и жизни, но ему удастся сломить сына.

В романе «Вечный зов» Семен Савельев находит в себе силы активно противостоять чуждому нашей действительности миру, вступить в решительную борьбу за судьбы близких ему людей. Он идет к пониманию всей сложности противоречий таких людей, как Яков Алейников, утративший одно время веру в людей, как Поликарп Кружилин, твердо убежденный, что рано или поздно человек «начинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества... Это его заставляет делать властный и извечный зов к жизни, извечное стремление найти среди людей свое, человеческое место».

С. Сартаков в романе «Философский камень», как уже было отмечено, исследует

несколько иные стороны жизни, нежели А. Иванов. Пафос романа «Философский камень» не в раскрытии истории «опустошенной души» (так писали о романе «Повитель»), а в стремлении дать социально-нравственный портрет целого поколения советских людей, обретавшего свое место в новой действительности в первые послеоктябрьские годы.

Какой эпизод романа «Философский камень» мы бы ни взяли, о каком бы герое этого произведения ни заговорили, мы не сможем обойти узловую проблемы книги — проблемы формирования личности. И в этом отношении роман С. Сартакова оказывается в самом фарватере сегодняшнего дня советской литературы.

Центром, к которому сходятся все нити романа, является, несомненно, Тимофей Бурмакин. Щедро преподносит ему жизнь испытания. При попытке к бегству убит его отец, политкаторжанин, в годы гражданской войны от руки карателя Куцеволова гибнет его мать. Жажда мести приводит пятнадцатилетнего паренька в Красную Армию, где и начинается его человеческое и гражданское становление. О многом заставляет задуматься Тимофея комиссар Васенин, сама служба в армии ставит каждодневно перед ним множество вопросов, споры со своим товарищем Своренем, которому свойственно бездумное и незаинтересованное отношение к людям и событиям своего времени, оттачивают мироощущение Тимофея, заставляют по-иному увидеть мир, понять его и осмыслить. Быть может, самая большая победа Бурмакина, это его нравственная победа над самим собой — не оберегать себя трусливо ложью. Он приходит к выводу: «Смысл жизни неотделим от высокого достоинства человеческого. Если жить — так быть человеком! Гордо нести свою голову».

Во многом меняется идейно-нравственный облик Тимофея. Первая книга романа завершается эпизодом, когда возмездие свершилось — скрывающийся под маской советского служащего Петунина каратель Куцеволов в результате борьбы с Тимофеем оказался под поездом. Уйдя от этого темного и безлюдного места Бурмакин, и никто никогда не узнал бы о том, какая драма здесь разыгралась в ненастную ночь. Однако Бурмакина теперь не может удовлетворить такая месть, ему нужна победа в открытом бою, и не его личное возмездие, а возмездие народное. И он вступает в такой бой, чреватый для него серьезной опасностью: ведь доказать, что следователь Петунин и есть бывший каратель Куцеволов — почти невозможно. И все-таки сомнения решительно отменяются Тимофеем: «Да если даже ты не сумеешь доказать свою правоту и ты на пути к правде потерпишь поражение в первой схватке, ты будешь чист, совесть твоя будет чиста, потому что ты бился за правду. И разве это не самое дорогое — чистая совесть? И разве это не самая первейшая обязанность человека — защищать правду?»

Во всех поступках и мыслях Тимофея наиболее сильно проявляется прямота и бескомпромиссность. По велению своей совести он бросается в нравственные столкновения прежде, чем взвесит все обстоятельства «за» и «против». Размышления о шансах на победу в таких столкновениях приходят к нему уже после того, как объявлена война.

Так поступает Тимофей, когда он, курсант военной школы, хлопочет перед художественной комсомольской ячейкой о «белячке» Людмиле Решиковой, вступает за курсанта Гуськова, родственники которого ошибочно названы «твердозаданцами». Так поступает позднее полковник Бурмакин, когда он, не задумываясь, идет на решительную борьбу за Виктора Решикова, ставшего теперь гражданином буржуазной Чехословакии и предпочитающего остаться для Тимофея «случайным попутчиком». Наконец, столь же бескомпромиссно, порою до прямолинейности, ведет Бурмакин споры со своими антиподами. Если соотнести образ Тимофея Бурмакина со своим временем, с другими персонажами книги «Философский камень», то станет ясно, что и в этих качествах Тимофея проявляются характерные особенности людей, формировавшихся в годы суровых народных испытаний, когда вопрос «быть или не быть» стоял отнюдь не в философском плане.

И в самом деле, разве не от той же бескомпромиссности и прямолинейной непримиримости проистекает решительное неприятие Людмилы Решиковой художественными комсомольцами? Тимофей тоже ведь не застрахован от ошибок, подобных той, которую совершили художественские ребята, не рассмотрев многое в судьбе Людмилы. Однако Тимофей прошел настоящую школу социальной зоркости и пристального, заинтересованного отношения к людям у комиссара Васенина, который умел и в самые суровые годы гражданской войны внимательно приглядываться к каждому человеку и учить этому своего названного брата. «Врага, который идет на тебя фронтом, действительно не раздумывая надо уничтожать подряд, — говорит Васенин Тимофею, — а вот когда перед тобой стоит один, отдельный человек, полезно все же разобраться: насколько он опасный враг и нельзя ли из него нормального человека сделать».

Когда секретарь художественной комсомольской ячейки Анна Губина, наиболее непримиримо относившаяся к Людмиле, во всем разобралась, она с такой же страстью встает на защиту Людмилы и Тимофея, в искренности и честности которых теперь убедились. Поступить так заставляет Анну та же прямота и бескомпромиссная честность, которая столь же беспощадна к своим собственным ошибкам, как и к ошибкам других. И напрасно, пожалуй, автор настойчиво выдвигает еще один мотив, руководивший поступками Анны Губиной — ревность, которая, мол, тогда внушала слепую ненависть к Людмиле, а теперь, после замужества Анны, начисто исчезла.

«Усиливается война умов. Ум — вот новое оружие...». К такому выводу Тимофей Бурмакин приходит опять-таки раньше, чем его сверстники из Худоеланской. И та любознательность, жажда все новых и новых знаний, которая свойственна Тимофею, тоже одна из верных примет времени и того поколения, которое после долгой темноты и придавленности вырвалось к свету, обрело возможность приобщиться к великому наследию человеческого разума.

В этой связи особую роль в романе приобретают книги и дневники капитана Решикова. Чемоданы с этим богатством — характерная для детектива деталь, способствующая остросюжетному повествованию. Но, вместе с этим, острая сюжетная ситуация помогает писателю с большой силой раскрыть социально-нравственную сущность своих героев. Отношение к поискам Решикова, его жажде познать мир, находкам и заблуждениям оказывается своеобразным мерилom человеческой ценности каждого из героев.

Тимофея еще в ранней юности захватывают тетради этого человека своей таинственностью: а вдруг в непонятных знаках и схемах заключена великая тайна. А Володе Свореню во всем этом видится не больше, как «мура беляцкая». Тимофей, как и комиссар Васенин, не может отмахнуться от мучительных сомнений неутомимого искателя, хотя со временем ему становятся понятны и слабости капитана, пришедшего к отчаянию от множества вопросов и таинственных явлений жизни. «Н-да,— замечает комиссар,— похвальная одержимость. Быть бы человеку крупным ученым. Не в ту сторону направил он свой талант. Вместо света в тьму полез, в мистику...»

Для карателя Куцеволова Решиков — «кальтруист паршивый... чернокнижник!». И в его устах все это звучало как самое стыдное ругательство. Белогвардейцу, бежавшему в Маньчжурию, чемоданы Решикова тоже не дают покоя потому, что, по его мнению, они набиты золотом.

Даже сына капитана Решикова — Виктора-Вацлава, живущего теперь в Чехословакии, привлекает в наследии отца нечто, способное принести ему личную выгоду. Мальчишкой он объяснял таежному пареньку, что освоить загадочные книги отца — значит научиться из простого свинца выплавлять золото.

Теперь Вацлава, закончившего университет и готовящегося стать дипломатом, по существу, в наследии отца интересует то же самое. Работы отца могли бы облегчить ему дипломатическую карьеру: «Своеобразие философских суждений, оригинальный взгляд на сущность мироздания, взгляд религиозный и одновременно атеистический, способность гипноза — магнетического воздействия на окружающих — все это так приманчиво в человеке, посвятившем себя профессии дипломата. И это пришло бы вместе с рукописями отца».

Если Тимофей видит в последнем эпизоде

жизни Решикова трагический, но честный итог его жизни, то Виктор не может постигнуть самоубийства отца: граница была рядом, а он ее не перешел, как другие. Это и понятно. Ведь Виктор давно уже утратил связь с Россией, не обрел он Родины в подлинном смысле этого слова и в Чехословакии. Родные просторы российские, давшие жизнь Виктору, и ставшая ему второй родиной Чехословакия, улицы и площади Праги для него всего лишь «обыкновенная земля», почва, на которой растет трава. При этом он не испытывает угрызений совести, мучений ностальгии, ведь «он никакого зла ни своей прежней, ни своей новой родине не желал и не готовил».

Если Тимофея захватывает страсть к познанию, которая владела умом Решикова, то Виктора привлекает отнюдь не это, а возможность с помощью дневников и работ отца «овладеть неизведанными демоническими силами» и встать над людьми.

Способность Виктора-Вацлава иметь две родины, двух отцов, два имени, двух любимых женщин, быть одновременно и религиозным, и атеистом постепенно делает его политически бесцветным, выхолащивает из него все человеческое. Когда над Чехословакией нависла тень фашизма, Виктор остается верен себе. На вопрос товарища, на каком полюсе должен находиться честный человек, на полюсе правды и справедливости или лжи и насилия, он цинично отшучивается: «На экваторе. Там теплее всего».

Разумеется, Вацлав не удерживается на теплом экваторе. Как-то ужиная в ресторане, Виктор под напором фашиствующего молодчика, дабы избежать скандала, слегка приподнимает правую руку и вполголоса произносит — «Хайль Гитлер!». Слушая далее бредовые рассуждения своего пьяного собеседника, он с «сочувствием, потом и с восторгом следовал за витийствами Пахмана. И когда тот оборвал речь, Виктор крепко пожал ему руку».

Такова логика развития характера Виктора, такова логика жизни. Все это напрочь отделяет Виктора не только от того, что дорого Тимофею Бурмакину, но и от того ясного и разумного, что было в мучительных поисках отца его — капитана Решикова.

Так, типичная для детектива сюжетная линия оказывается чрезвычайно важным средством раскрытия характеров многих героев.

Вторая книга романа «Философский камень» чаще, чем первая, обращает читателя в прошлое. И эти экскурсы во многом «дописывают» героев, полнее и убедительнее раскрывают их характеры.

Интересно, что для Виктора имеют цену те воспоминания, которые связаны с его жизнью в Праге. Все, что было до этого, в глазах его не имеет смысла. Ничего, кроме ужаса, не осталось у Виктора от тех дней, когда судьба свела его в годы гражданской войны с Тимофеем. Даже элементарного чувства благодарности не осталось у него к человеку, который, в сущности, спас

его от верной гибели. В Викторе заметнее всего шевелится неприязнь, чувство брезгливости. «Что может знать этот бывший сопливый парень, нацепивший сейчас себе в петлицы полковничьи знаки различия!» — думает он о Тимофее при встрече.

Для Тимофея Бурмакина именно те первые трудные шаги в годы гражданской войны приобретают особый смысл, они ему близки до щемящей боли в сердце. Это не просто воспоминание, а нечто большее, оно помогает Тимофею в критический момент сохранить самообладание, силы и волю к жизни. Сейчас, как и тогда, ответственность за судьбы людей, находящихся в самолете, всей тяжестью ложится на Тимофея. Виктор, как и много лет тому назад, струсил, оставив на произвол судьбы тяжело раненных ради спасения собственной шкуры. «Вот как снова в жизни сошлось», — думает Бурмакин. — Капитан Решиков просил когда-то: «Выведи, парнишка, выведи!» Он вывел. И не жалеет об этом. Потому что капитан Решиков был честный человек. Сегодня почти такими же словами просил сын его, Виктор: «Выведи!» Но он прогнал его прочь. И тоже не жалеет об этом. Потому что Виктор опозорил честное имя отца.

Заметно расширяется во второй книге романа «Философский камень» не только диапазон временной. С. Сартаков довольно основательно знакомит читателя с жизнью семьи Мешковых, образами Мордария Сидоровича и его жены Полины Осиповны, едва намеченных в первой книге романа. Отнюдь не издали видит читатель неспокойную жизнь их на дальневосточной границе.

Немало живых черточек присплетает во второй книге образ начальника военной школы Анталова. За суровой строгостью и внешней сухостью проглядывает образ человека большой души. Теперь он оказывается пониженным в должности за свои «промахи». Известно, однако, в каких бы рангах ни ходил человек крупного масштаба, он всегда остается самим собой. Анталов и в этом трудном и сложном для себя положении остается воспитателем, наставником и помощником даже в самых запутанных делах своих курсантов.

М. Горький как-то заметил: «Каждый изображаемый человек подобен руде, он формируется и деформируется при определенной идеологической температуре». Анталов и комиссар Васенин во многом и определяют ту «идеологическую температуру», при которой формировался Тимофей. Идеино-художественную значимость этих персонажей в романе трудно переоценить. В этой связи комиссару Васенину и в первой, и во второй книге романа С. Сартакова вполне оправданно отводится немало места. Однако видится он (Васенин) по преимуществу как-то издали. Дело не в том, что Тимофей живет в Москве, а комиссар — на Дальнем

Востоке, и названные братья лишь мысленно или в письмах общаются друг с другом, а в том, что в размышлениях своих, разговорах и письмах к Тимофею Васенин очень редк оживает, слова его часто звучат книжно, отвлеченно и назидательно.

Немало места отводит автор во второй книге романа жизни колчаковских солдат, бежавших в годы гражданской войны в Маньчжурию. И Федор, и Ефрем стреляли в красных, каждый из них имеет свои счеты с той землей, что простерлась на многие тысячи километров от маньчжурской границы. Жизнь их обречена уж потому, что штыки своих винтовок они направили против родной земли. Тяжело переживает это Ефрем Косоуров. Он хорошо понимает свою обреченность, но пока не может порвать с той жизнью, на которую сам себя и обрек.

Лаконично, емко выписаны эти два персонажа. И все-таки сюжетная линия Федора — Ефрема не входит органически в роман, она остается интересной, художественно-выразительной, но все же необязательной частью этого произведения...

Неменьший ущерб книге наносит скоротечность, информативность о каких-то существенных сторонах жизни персонажей. Так, Тимофей весьма бегло вспоминает: «Совсем уже нереальным представилось все, что произошло после его возвращения из Испании. Награждение орденом Ленина. Короткая беседа в наркомате, прочитанный ему приказ о присвоении звания полковника. Поспешный выезд на аэродром...» Кстати, в таком же «нереальном» плане повествуются в книге и о пребывании Тимофея в Испании.

Не избежал подобных просчетов и в своем романе и А. Иванов. Как уже отмечалось, образ Ивана Савельева, необычайно важный для прояснения основной идеи книги, дан схематично, мотивировка его поступков намного слабее, чем обоснование всего пути Федора. Но вместе с этим немало страниц книги отводится персонажам, связь которых с общим развитием действия и мысли романа трудно улавливается. Что проясняют, например, бесконечные воровские похождения Макара Кафтanova и Петра Зубова?

На мой взгляд, неоправданно много места занимает и Аникой Елизаров, которому автор счел необходимым придать и солидную предысторию. Не отсюда ли происходит нежелательная беглость, поверхностность, недостаточное проникновение во внутренний мир героев, несущих значительную большую идейную и художественную нагрузку?

Над этим стоит задуматься. Эстетическая взыскательность необходима и при разговоре о таких добротных книгах, как романы С. Сартакова «Философский камень» и А. Иванова «Вечный зов», несомненно являющихся заметным вкладом в советскую литературу сегодняшнего дня.